

**НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К КЛАССИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЕ:
«ЭТИКА ИСТИН» А. БАДЬЮ**

И. А. Журавлева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 мая 2018 г.

Аннотация: *в статье представлен анализ подхода к проблеме этического в работе А. Бадью «Этика: Очерк о сознании зла». Показана логика рассуждения философа, который, критически переосмысливая основания современной «этики прав человека», базирующейся на виктимизации субъекта, выходит к наброску новой этической теории, выстраиваемой на основе философии события.*

Ключевые слова: *этика, этика истин, субъект, верность, событие.*

Abstract: *this article is devoted to the analysis of the approach to the ethical problem in the work by A. Badiou «Ethics: An Essay on the Understanding of Evil». The logic of the philosopher's reasoning is shown here. He critically reinterprets the foundations of the modern «ethics of human rights», which is based on the victimization of the subject, and goes to the outline of a new ethical theory, which is build on the basis of the event's philosophy.*

Key words: *ethics, ethics of truths, subject, fidelity, event.*

В нашей современности очень много этических и/или псевдоэтических дискуссий, настоящий бум морализаторства по поводу каких-либо вышедших в публичное пространство частных ситуаций, бесконечные отсылки к аморальности поведения тех или иных общественных деятелей или политиков, а то и целых государственных институтов. Список можно продолжать, только сколько во всём этом действительно этического? Ален Бадью – один из современных французских философов откликается на это довольно резким очерком «Этика: эссе о сознании зла». Как ученик Ж. Делеза и последовательный сторонник антинормативного поворота в этике, он критически настроен по отношению к разного рода этическим метатеориям, «универсальным этикам». Современный вариант такой этической парадигмы он называет этикой «прав человека»: «В общепринятом сегодня значении этого слова, “этика” в первую очередь касается “прав человека” – или, шире, прав всего живого. Предполагается, что существует некий всегда и всюду опознаваемый в таком качестве человеческий субъект, обладающий в некотором роде естественными “правами”: правом на жизнь, на достойное существование, на “основные” свободы (свободу мнения, выражения, демократического назначения правительств и т. д.). Эти права предполагаются самоочевидными и являются предметом широкого консенсуса. «Этика» состоит в том, чтобы заботиться об этих правах, добиваться их соблюдения» [1, с. 17–18]. Толь-

ко вот концепция естественных прав человека корнями уходит в просвещенческую политическую парадигму, где в основе лежит представление о картезианском познающем субъекте. Бадью отсылает нас к Фуко и Лакану, указывая, что субъект в современной философии – это отжившая конструкция. Субъект не имеет субстанции, никакой «природы», он подчинен законам языка и своеобразной истории объектов желания. Следовательно, представление о «человеческом субъекте» уже не может быть положено в основание современной этики.

Идущее от Канта представление о существовании императивных, формально определенных требований, которые наличествуют независимо от каких-либо эмпирических соображений фундирует собою все современные системы права – и национальные, и международные. Предполагается, что в обществе был установлен консенсус относительно того, что считать неприемлемыми проявлениями варварства и, наоборот, всё то, что противостоит этим проявлениям, автоматически обозначать как добро. Этика здесь становится способом априорного определения зла. Рассмотрим подробнее ключевые положения этой логики.

Во-первых, постулируется некий общечеловеческий субъект. Зло, которое с ним случается, универсально идентифицируется. Выходит, этот субъект является одновременно и пассивным – тем, кто претерпевает страдание, и субъектом суждения – тем, кто это страдание идентифицирует и сигнализирует о необходимости его прекращения.

Во-вторых, политика начинает использовать такую этику в своих прагматических целях: активное возмущение творящимся злом и показное сочувствие к жертвам становится оправданием и поводом для конкретных политических решений.

В-третьих, добро определяется через зло, а не наоборот.

В-четвертых, «Права человека» отождествляются с правом на не-зло, т. е. «на то, чтобы не подвергаться агрессии и притеснению ни в своей жизни (ужасам убийства и казни), ни в своем теле (ужасам пыток, репрессий и голода), ни в своей культурной идентичности (ужасам унижения женщин, притеснения меньшинств и т. д.)» [там же, с. 23].

Это убедительно, потому что очевидно. Страдание – это зло, а со-страдание – это, по Шопенгауэру, как мы помним, основа нравственного отношения между людьми. И здесь-то и возникает соблазн на основе этих само собой разумеющихся вещей провозгласить некий общечеловеческий консенсус, который обретет силу всеобщего морального кодекса. Бадью же стремится доказать, что это не так.

Напомним, что эта модель отталкивается от допущения о существовании некоего универсального человеческого субъекта, наличие которого позволяет сформировать «этику прав человека» и систему гуманитарного права. Эта этика исходит из идентификации субъекта через причиняемое ему зло. Получается, что такой подход определяет человека в первую очередь в качестве жертвы, пусть иногда и потенциальной. Если быть точнее, то «человек – это тот, кто способен признать себя жертвой»

[там же]. Что, с точки зрения Бадью, должно быть рассмотрено как неприемлемое допущение.

Сведение человека к понятию жертвы, т. е. страдающего существа, означает акцентирование его животного начала. Конечно, человек во многом детерминирован биологией, но гипертрофирование этой составляющей искажает наше понимание человека. Как пишет Бадью, все рассказы подвергшихся пыткам и уцелевших свидетельствуют: если палачи были способны относиться к ним как к скоту, то не в последнюю очередь именно потому, что так оно и было, просто для этого было сделано всё необходимое. Это звучит жестоко, но ведь существует же выражение «потерять человеческий облик». Важно другое, что есть и те, кто, совершая невероятное усилие, доказывают свою несводимость к сущности жертвы. «Тут-то, если мы желаем его осмыслить, и кроется Человек: в том, что делает его, как говорит Варлам Шаламов в своих «Колымских рассказах», животным куда неуступчивее лошади, неуступчивее не в слабом своем теле, а в упрямстве остаться Тем, что он есть, то есть, как раз-таки, чем-то отличным от жертвы, отличным от бытия-к-смерти – и, стало быть, *не просто смертным*» [там же, с. 24]. Наша смертная природа не может поколебать «Бессмертие» человека в тот момент, когда он идет наперекор «воле-быть-животным», к которой его склоняют обстоятельства¹.

Другое существенное следствие виктимизации субъекта заключается в том, что априорное негативное определение зла не позволяет осмыслять возникшие этические ситуации в их единичности. Человек вооружен готовым набором норм и однозначными представлениями об этической неприемлемости того или иного случая и с этих позиций судит и принимает решение. Конкретные обстоятельства и специфика происходящего нивелируются, потому что я как бы снимаю с себя ответственность, я бессилен что-то сделать при таких условиях, я действую по инструкции, в соответствии с принятым регламентом. Формальность освобождает, как говорится.

Этика «прав человека» по сути своей оказывается нигилистичной, так как акцентирует смертную человеческую природу. Неудивительно, что самыми популярными темами в моральных дискуссиях стали проблемы биоэтики, в частности вопрос об эвтаназии. О чем этот вопрос? Когда и как во имя нашего представления о счастье можно убить человека? Бадью напоминает, что практика эвтаназии широко использовалась в нацистской Германии, где государство брало на себя тяжкий труд избавления от «беспольных» и «недостойных». Появление в наше время комиссий по биоэтике, с точки зрения Бадью, также не сулит ничего хорошего. И дело не в том, что он против эвтаназии. Скорее, он против попыток создать систему, в которой решения подобного рода будут

¹ Книга В. Франкла «Сказать жизни “Да”. Психолог в концлагере» может быть приведена здесь в качестве дополнительного свидетельства. Автор не ставит себе задачу описать ужасы пребывания в нацистских лагерях смерти, а скорее, на личном опыте показать, что значит оставаться человеком несмотря ни на что.

приниматься автоматически. Он считает, что тщательное рассмотрение жизненных обстоятельств, принятие во внимание разных точек зрения вкупе с полным погружением в клиническую ситуацию в тысячу раз значимее, чем все официальные дискуссии. Бадью предлагает иной подход – быть верным ситуации. Это значит использовать все ее возможности, извлечь из нее всё, что способно утвердить человечность. Так, врач, верный клятве Гиппократова, оказывает необходимую помощь всегда и везде.

Необходимо пересмотреть наше понимание устоявшейся системы представлений, фундамирующих нынешнее содержание этики. Давайте, говорит Бадью, признаем, что человек определяется по своей утвердительной мысли, по тем единичным истинам, на которые он способен, по тому «Бессмертию, которое делает его самым неуступчивым и парадоксальным из животных» [там же, с. 29]. Зло нужно идентифицировать, исходя из позитивной способности к добру, исходя из расширенного использования своих возможностей в данной конкретной ситуации. И давайте откажемся от «Этики вообще», от идеи существования универсальным моральных норм. Существует этика процессов, в которой используются все возможности ситуации. Такую этику он и называет «Этикой истин».

Принцип «этики истин» – возможность невозможного, которую преподносят нам любовь, научное открытие, художественное прозрение, любой эпизод политики освобождения.

Если мы отказываем в существовании абстрактному субъекту, тогда кто же есть? Есть «частное животное», приведенное обстоятельствами к необходимости стать субъектом. Всё, чем оно является – его тело, способности, – оказывается востребовано, чтобы одна из истин проложила себе дорогу. К подобным обстоятельствам нельзя отнести данность, то, что имеет место, – здесь каждый устраивается как может. Следовательно, необходимо предположить, что приводящее к возникновению субъекта имеется «сверх того» или неожиданно случается как то, что привычный способ поведения не предусматривал. Такое «пополнение» Бадью называет *событием*. Событие всегда отличается от «множественно-бытия», в котором нет речи об истине, только мнения. Событие – это то, что принуждает к новому способу быть. Процесс истины начинается с решения строить свои отношения с ситуацией с точки зрения этого событийного пополнения. Бадью называет это *верностью*. Событие всегда вне стандартных законов ситуации, точнее оно не вытекает из этих законов. Событийная верность – это реализация разрыва в том порядке, который был известен и привычен. Но разрыв, о котором идет речь, представляет из себя имманентный разрыв, поскольку истина действует в событии и нигде более. «Нет никакого неба истин» [там же, с. 66].

Субъектом, по Бадью, нам и следует называть носителя верности, т. е. носителя процесса истины, который не предшествует этому процессу, а им самим создается: «Субъекта индуцирует именно процесс истины. Процесс истины отличается тем, что задействует средства упорствования субъекта (субъекта как существующего вопреки логике смертного бытия, объективности «человеческого животного»). Так, именно в процессе исти-

ны появляется «бессмертный субъект» [2, с. 53]. Именно по отношению к таким субъектам мы можем говорить об этике истин.

Этика истин – это то, что придает состоятельность присутствию кого-то в составе субъекта, индуцируемого процессом истины. Этот «кто-то» одновременно остается и самим собой (единичным) и пребывает «над собой в избытке», поскольку случайная траектория верности проходит через него, пронизывает его единичное тело и включает в мгновение вечности: «Можно сказать и проще: “кто-то” был просто *не в состоянии знать, что он способен* на эту сопринадлежность и к ситуации, и к случайной траектории истины, способен к этому становлению субъектом» [1, с. 69].

Получается, что человек входит в пространство этического лишь тогда, когда переживает внутреннее открытие себя, когда он с абсолютной для себя самой очевидностью узнает, что сейчас действует (мыслит, любит, творит) так, как может только он. Но в то же время это, как выражается Бадью, есть состоятельность, т. е. способность остаться верным «процессу истинь», проводником которого ты являешься. Здесь можно вспомнить похожие мысли М. М. Бахтина из его трактата «К философии поступка». Пассивная погруженность человека в бытие сопровождается активной причастностью этому же бытию. Только тогда человек осуществляет свою единственность: «То, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может. Единственность наличного бытия нудительно обязательна. Это факт моего *не-алиби* в бытии, лежащий в основе самого конкретного и единственного должностования поступка, не узнается и не познается мною, а единственным образом признается и утверждается» [3, с. 113]. И он так же пишет, что жизнь может быть осознана только как *событие*, а не как бытие-данность. И, если Бахтин говорит, что жизнь, отпавшая от ответственности, в силу своей неукорененности не может иметь философии, то Бадью может уточнить – этики.

В этике истин есть один важный вопрос: как мне продолжать быть в избытке к своему собственному бытию? Как удержаться в верности? Бадью отмечает, что Истина отметаает все установившиеся знания и мнения. Но мнения, с другой стороны, составляют «цемент социальности», то, что делает возможным нашу каждодневную коммуникацию с другими: « <...> погода, новый фильм, детские болячки, низкая зарплата, омерзительность государства, телепередачи, отпуск, напасти государственной системы образования, тонкие перепады собственной души, не слишком ли много вокруг приезжих, невротические симптомы, карьерные успехи, маленькие кулинарные радости, прочитанная книга, магазины, машины, секс, солнце... Что делали бы мы, жалкие, если бы все это не обращалось вокруг нас, не повторялось среди населяющих города животных? На какую гнетущую тишину мы были бы осуждены! Мнение составляет первичную материю любой *коммуникации*» [1, с. 76]. Мнения нейтральны, не истинны и не ложны, их основная задача – быть сообщаемыми. А вот то, что касается Истины, не сообщается по природе своей. Для истины необходима *встреча*. В событии – том, что с вами

случилось, – происходит вхождение в состав субъекта истины. И Бадью формулирует этическое правило: «Никогда не забывай то, с чем ты повстречался» [там же, с. 77]. Не-забвение – это не память. Не-забвение – это мыслить и практиковать подстройку моего «множественно-бытия» к тому содержанию, которое возникло в прорыве встречи. Если человек перестает быть верен истине, происходит потеря субъектности.

Интересно, что у Бахтина мы находим близкие рассуждения, где он говорит, что, когда человек пытается понимать свою жизнь как «скрытое представительство», а каждое свое действие как ритуальное, он становится «самозванцем» [3, с. 121]. Самозванец – человек, выдающий себя за другого. Быть самозванцем в своей собственной жизни – значит, по сути, никогда и не быть – та самая потеря субъектности. А это лишает существование человека этического смысла. «Моральным является только такое решение, про которое человек может сказать: это Я решил. У которого нет никакого иного основания, кроме этого Я» [4, с. 9].

Остается прояснить еще один момент – как в «этике истин» определяется зло. Бадью пишет, что отклонение от истины, уход от нее и есть зло. У него три имени или формы: *личина, предательство и катастрофа*. Первое – это ситуация, в которой возникает ложное событийное наполнение, когда присутствуют все формальные черты истины, но субъект здесь не уникальная единичность, а нечто конституируемое в противоположность «человеческой животности других, тех, кто произвольным образом объявляется не принадлежащим к общностной субстанции» [1, с. 103]. В пример приводится такая личина события, как национал-социалистическая революция, сумевшая на какое-то время обмануть самого М. Хайдеггера.

Предательство – это кризис верности истине и, как следствие, потеря субъектности. Бадью считает, что это предательство в себе самом *Бессмертного*, отказ продолжать быть в состоянии разрыва. «Этим объясняется, почему бывшие революционеры оказываются вынуждены заявить о своих прежних заблуждениях и глупости, влюбленный перестает понимать, почему он любил эту женщину, а усталый ученый доходит до того, что теряет веру в становление своей науки» [там же, с. 106]. Непрерывность берет верх над нашей способностью длить состояние того имманентного разрыва, о котором говорит Бадью. Возможно, это нечто близкое забвению подлинного бытия в терминологии того же Хайдеггера. *Dasein* и *das Man* – равноправные конституэнты человеческого бытия, и за каждым прорывом к первому всё равно следует постепенное сползание во второе, погружение в мир анонимностей, или, как уже упоминалось, самозванцев.

И последний вид – абсолютизация силы истины. Катастрофой Бадью называет ситуацию, в которой возникает желание объявить однажды найденное уникальное решение эталонным. *Истина* конституируется *событием*, если же изъять ее и объявить всеобъемлющей, мы получим зло. Причина, по которой это происходит, лежит в присутствии в истине «*неименуемого*» – элемента ситуации, который не может быть схвачен

средствами самой истины. Это то, что служит отсылкой к чистой реальности ситуации. «Нельзя – без ущерба для истины события – совершать плагиат в науке и искусстве; дублировать когда-то удачное политическое решение без учета изменившихся исторических реалий; любить человека по заданным стереотипам восприятия. <...> этическое оказывается связанным с ситуацией события» [2, с. 54].

В конечном итоге, из логики А. Бадью вытекает одна очень важная, хотя и не новая, мысль – пространство этического возникает только вместе с субъектом, каким он понимается в философии события, т. е. тем, что конституируется процессом истины. Субъект здесь – это человек в уникальной ситуации, раскрывающей его как нечто отличное от «человеческого животного». И лишь такой субъект способен быть источником как добра, так и зла.

Литература

1. Бадью А. Этика : очерк о сознании зла / А. Бадью. – СПб. : Machina, 2006. – 126 с.
2. Косорукова А. А. Определение этического в работе А. Бадью «Этика : очерк о сознании зла» / А. А. Косорукова, Т. В. Давыдкина. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-eticheskogo-v-rabote-a-badyu-etika-ocherk-o-soznanii-zla>
3. Бахтин М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. – М. : Наука, 1986. – С. 80–160.
4. Гусейнов А. А. Философские заметки / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. – 2009. – № 10. – С. 3–15.

Воронежский государственный университет

Журавлева И. А., кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии и культуры

*E-mail: imbi-chursanova@yandex.ru
Тел.: 8-952-541-77-07*

Voronezh State University

Zhuravleva I. A., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the History of Philosophy and Culture Department

*E-mail: imbi-chursanova@yandex.ru
Tel.: 8-952-541-77-07*